

Здѣсь, конечно, не мѣсто входить въ критическій разборъ всего положительнаго ученія Толстого. Остановлюсь вкратцѣ лишь на 2—3 пунктахъ, затронутыхъ здѣсь прямо или косвенно самимъ Толстымъ въ его письмѣ.

Прежде всего—о „насиліи“. Въ свое время наши радикальные публицисты много и усердно упражнялись въ критикѣ Толстовскаго „непротивленія“. Гордая своею политическою борьбой съ самодержавіемъ, наша демократическая и социалистическая интеллигенція не находитъ словъ, чтобы явить свое высокоумное презрѣніе къ пассивному „непротивленству“ Льва Толстого и его послѣдователей. Не принадлежа ни къ одной изъ спорящихъ сторонъ, я, съ своей стороны, полагаю, что въ Толстовскомъ непротивленіи заключается несравненно больше истинно противленскихъ элементовъ, чѣмъ во всемъ революціонномъ противленіи нашей бунтующей интеллигенціи. Дѣло въ томъ, что наша, такъ наз. „передовая“, интеллигенція, такъ охотно позирующая своею непримиримостью, умѣетъ примирять съ нею самые явные компромиссы въ отношеніи своемъ къ церкви, государству, праву, милитаризму, школѣ и т. д. Одни уже періодическіе „панихидные“ пароксизмы, овладѣвающие нашею атеистическою демократіей всякій разъ, какъ умираетъ кто-либо изъ ея атеистическихъ же вождей, представляются мнѣ чисто балаганнымъ фарсомъ, бьющимъ въ лицо всему ея „свободо-мыслию“, всей ея революціонной фразеологіи. „Гражданскіе“ похороны Толстого были, наоборотъ, однимъ изъ многихъ примѣровъ его послѣдовательности и дѣйствительной непримиримости. Къ каждой отдѣльной личности, „уважающей свое человѣческое достоинство,“ онъ предъявлялъ героическія требованія, не знающія никакихъ уступокъ. Можно совершенно не соглашаться съ воззрѣніями Толстого, со всѣмъ его ученіемъ, и все же нельзя отказать этимъ воззрѣніямъ въ чисто-революціонной непримиримости, нельзя не замѣтить въ нихъ самага упornaго духа *противленія*, несмотря на все его отрицаніе „насилія“.

Толстовскую заповѣдь „непротивленія злу насиліемъ“ вѣрнѣе было бы формулировать такъ: противься злу всѣмъ, кромѣ насилія. Такая формулировка точнѣе передаетъ духъ толстовскаго ученія. Какъ извѣстно, Толстой обосновывалъ